

Это была холодная, дождливая осень. Очередной учебный год. Ничего не меняется. Почему-то именно в этот сезон люди отказываются от миров. Они выбрасывают стопки связанных книг, прогоняют писателей из своих жизней. Пожелтевшие страницы сохраняют запах рук каждого человека, который к ним прикасался. Сложенные, измятые обертки от конфет в детских книжках. Или забытые фотографии любимых между страниц романов. Книги всё это берегут в себе, несмотря на запах помойки. Мимо проходящие незнакомцы не смотрят на них. Уже никто не смотрит.

Осенние дожди обливают напечатанные строчки ледяной водой в попытках стереть до конца. Именно такие старые книги говорят с нами – промокшие, разорванные, пыльные, помятые, изрисованные. Они живые и их сердца стучат под помятой картонной обложкой.

Я собираю авторов, от которых отказались. Книги, которые когда-то изменили мир, валяются на свалках и темных переулках, где их оставили лежать. И когда находишь потерявшуюся книгу, то возникает огромное чувство радости, и восторг заполняет твои легкие в секундной паузе. Это словно ты обрёл нового друга, который рад тебя видеть.

У меня есть место, где я храню своих друзей – это домашний комод. Но в последнее время там стало не хватать места для новых книг. Дома их скопилось очень много и пришлось прятать их под кровать, чтобы мать не увидела.

Она не понимала меня и постоянно, увидев не спрятанную старую книгу, громко восклицала: «Что это за старье!? Диана, опять ты за свои побрякушки взялась!». Моя мама могла часами говорить о книгах, потому что они её раздражали больше всего. Неудивительно, что её муж, по совместительству мой отец, ушёл от неё. Я бы тоже ушла, но не могу – мне ещё нет 18-ти лет.

Поэтому наш диалог был примерно таким:

— Книги – это старые инновации времени, понимаешь? Сейчас современный мир технологий, нанотехнологий и атомных наук. Лучше бы ты копалась в компьютере и грезила об открытиях, чем чтобы собирать всякую гадость и приносить домой. Может, ты возьмёшь книгу и болезнь принесёшь, вирус какой-нибудь. Откуда ты знаешь у кого она была? У туберкулёзника или ВИЧ-инфицированного? — Мама нервной рукой переворачивала котлеты на сковороде.

— Или книга была у бабушки больной раком, и эта единственная книга помогала ей вспомнить прошлые времена молодости. — Тихо проговорила и уставилась на неё.

— Не дерзи! Это что ещё за хамство!? — Вспылила мама. И так каждый раз.

Я искала книги по всему городу. В тех местах, где меня бы не нашли. И как-то раз нашла заброшенный гараж. Он стоял отдельно от других гаражей. Он уже никому не принадлежит, судя по отсутствию замка на дверях и скрипящим стенам, покрытых ржавчиной. На полу лежало куча хлама, а именно: коробка с инструментами с огромным слоем пыли, автомобильные покрышки, которые хаотично валялись на полу.

Ко мне пришла хорошая идея – привести в порядок захудалый гараж и сделать под него тайник для моих книжных друзей. Но пришлось изрядно потрудиться, чтобы всё вымести. Вытащила на улицу ненужный хлам, убрала

всякие приборы с советского шкафа. Поднялась туча пыли, паучьи гнёзда полетели по воздуху. Появился простор.

В углу стояли стопки книг, пыльных и ненужных. Из-за бардака и паутины я не заметила их. А ещё нашла советские журналы про автомобили.

Журналы «АвтоВАЗ» от 75 года выпуска стали для меня первооткрывателями. Теперь у моих книжных друзей появились соседи по полке.

Но это было ещё не всё. Надо привести в порядок стены, чтобы было похоже на нормальную комнату. Хотя бы отдалённо. Пришлось вытряхнуть всё содержимое копилки-свинки и купить желтую краску, которая оказалась самой дешёвой, и кисти. Пора обновить будущую тайную комнату.

Вы наверно спросите, почему я не в школе? Ответ имеется. Прогуливаю уроки, потому что не вижу смысла там торчать. Да и в последний раз, когда я там была, учитель со скандалом выгнала меня из класса. Ей не понравились мои розовые волосы. Не понимаю, им важен наш цвет волос или тот человеческий орган, который спрятан под волосами и черепом?

Гараж стал напоминать творческую мастерскую от яркой желтой краски. На полу газеты и куча тряпок, желтые капли капали с потолка вниз. Теперь остаётся только дожидаться, пока высохнут стены.

Мы живём втроём в двухкомнатной квартире: я, мама и кот Чак.

В моей маленькой спальне стоит кровать, шкаф с вещами и стол, на котором расположен ПК. На полке ряды книг и DVD-дисков с аниме-сериалами. У меня есть мечта – найти томики с произведениями японских классиков. Библиотечный Дзюнитиро Танидзаки был давно прочтён, а японской литературы мне не хватало, как воздуха.

Я недавно узнала, что есть такие люди в Японии - цундоку. Это тип людей, которые собирают книги, но не читают их. Но мне наоборот хочется читать книги. Все книги, которые я нахожу, за несколько дней становятся прочитанными. А потом я иду вновь на охоту и много всего попадается: справочники, художественная литература, словари, фольклорные сказки и многое другое.

Потребовалось немало усилий, чтобы поставить комод к стене. Принесла несколько стульев, сделала самодельный стол из покрышек и оторванной деревянной двери. Ещё построила из автомобильного железа металлическую полку. Вот ещё одно место, где будут лежать мои книги.

Старые книги – живые и говорящие, как люди. Они дышат и путешествуют, как мы.

Их бросают на грязных и мокрых дорогах, как и людей оставляют на произвол судьбы. Если ты не знаешь к кому обратиться за советом – спроси у живой книги. Её тоже выгоняли из дома, над ней тоже издевались и рвали, принося огромную боль.

И лишь новые книги – мёртвые. Заходя в книжный магазин, начисто вымытый, пахнущий свежим клеем и новыми страницами, чувствуешь, что под обложками их сердца молчат. Они не дышат. И первый их вздох, их младенческий крик – это хруст раскрывшейся обложки, первый шелест страниц. И с каждым годом мёртвая книга становится живой. Чем старше книга – тем она живее, всех живых. С людьми, конечно же, не так. Мы рождаемся и живём, а к старости – умираем. После нас остаются книги, которые нас помнят. И будут помнить ещё долгие годы.

«Опять звонил классный руководитель и спрашивала, почему ты не в школе!» – С этих слов началось моё утро.

— Это всё твои дурацкие книжки! Если бы не они, ты бы нормально училась!

Размахивала мама руками, стоя в дверях моей комнаты. У неё было желтое лицо от накипевшей злости и негодования. Её взгляд разъедал моё сонное тело, валяющееся на кровати.

— Мам, они не дурацкие. — Спокойно ответила я, прячась под подушку. — И я в школу не пойду.

— Да сколько можно! Ты и так плохо учишься в школе, так ещё и не посещаешь уроки!

Мне пришлось промолчать, чтобы ещё больше не раздражать её. Иначе начнётся лекция на тему: «Наши школы – самые лучшие школы в мире». Она замолчала, что было странным, и подошла к моей кровати. Через пару секунд теплое одеяло, под которым я пряталась, полетело на пол.

— Бегом в школу. Либо ты, либо твои книги. Или пострадает ещё что-нибудь тебе дорогое. — Мама отчеканила слова с серьезным тоном. Уф, кажется, реально дело становится горячим. Пришлось идти на уступки.

— Хорошо, я пойду в школу. — Донеслось из-под подушки.

— Вот, другой разговор. — В один момент мама из мегеры превратилась в улыбающуюся, милую домохозяйку. — Дианочка, я буду очень рада, если тебя учителя будут хвалить и ставить положительные оценки. — От грозовой тучи ничего не осталось. Тон сменился на ласковый и нежный.

— Хорошо, мам. — Не показываясь ей, закатила глаза.

После этого разговора она ушла из моей спальни и закрыла двери. И только теперь я вылезла из-под своего теплого укрытия. Этот день начался не так, как хотелось бы. Как ещё хватает терпения у мужчин, выносить таких женщин? Этот вопрос так и остаётся риторическим на протяжении моей жизни.

Стоя перед зеркалом, смотрела на панду с черными кругами под глазами и розовой шевелюрой.

— Дин, ты стала на шаг против женской логики. Поздравляю! Скоро ты станешь ненавидеть то, что родилась женщиной.

Ха-ха. Разговор с собственным отражением предвещало все события грядущего дня. Судя по всему, день будет дождливым. Мой личный прогноз моральной погоды.

Приведя себя в порядок, наскоро оделась и схватила рюкзак. Скоро будет начало второго урока. Мама всучила мне в руки шоколадный батончик и пошла открывать двери.

— Удачного дня! — С заботливым тоном проворковала мама, провожая меня в школу.

На улице погода была такая же, как и вчера. Дожди, лужи и грязь – добро пожаловать в Россию.

С чего началось моё увлечение книгами?

С первого посещения городской библиотеки, с первой подаренной книгой от бабушки, с запаха старины. Моя первая прочитанная книга – Агния Барто 1970-го года издания. Там были картинки, иллюстрации похожие на героев из советских мультфильмов. Некоторые из них потеряли краски и выцвели, но я всё равно восхищалась таким подарком от моей бабушки, ценительницы бумажных книг. Пока была рядом бабушка, мне никто ничего не говорил о том, что я приношу домой книги. Никто ничего не говорил о том, что я тайком воровала книжки с детской библиотеки.

Я сидела за столом, а она на кружевную вязаную скатерть ставила фарфоровый горячий чайник в красный горошек и две чашки. С глухим стуком ставила тарелочку с конфетами или молочными пряниками. И мы – я и бабушка – сидели вдвоём за горячим чаем и обсуждали книжки. Она иногда приносила томик своей любимой поэтессы – как помню, это была Друнина, — и читала своим нежным и старческим голосом стихи. После прочтения она всегда вытирала красные глаза дрожащими тонкими пальцами от слёз.

Её любимое стихотворение Юлии Друниной я запомнила, помню и сейчас.

Доброта

Стираются лица и даты,
Но всё ж до последнего дня
Мне помнить о тех, что когда-то
Хоть чем-то согрели меня.
Согрели своей плащ-палаткой,
Иль тихим шутливым словом,
Иль чаем на столике шатком,
Иль попросту добрым лицом.
Как праздник, как счастье, как чудо
Идёт Доброта по земле.
И я про неё не забуду,
Хотя забываю о Зле.

Моим любимым предметом в школе была литература. Наверно, это единственный предмет, по которому у меня были оценки «отлично». Учитель – Алексей Николаевич Блок – ценил мой литературный вкус, кругозор книг и глубину познаний произведений. Даже его фамилия «Блок» как бы напоминает нам, ученикам, о знаменитом Блоке. А вопрос о своей родословной Алексей Николаевич умалчивает, оставляя в тайне личность поэта Блока.

Это был молодой специалист после университета, на которого смотрели юные старшеклассницы с завистью и симпатией. Его любимой темой было анализ литературы. Иногда в перерывах на переменах он спрашивал меня:

— А как ты думаешь, чем похожи Вальтер Скотт и Майн Рид? Это Вальтер Скотт вдохновил Майн Рида на приключения, после выпуска «Айвенго». Тем более, шотландский писатель вывел в одном из романов деда Майн Рида. Но только тут они имеют схожесть.

Он любил отвечать на свои же вопросы. Мне же оставалось только внимательно слушать.

Как-то я его спросила о самом волнующем вопросе, который появился после прочтения произведений Танидзаки.

— Вы знаете каких-нибудь японских классиков? — Выпала я, стоя перед ним с серьёзным видом. Ощущение, словно этот ответ мог бы решить мою жизнь.

Его черные брови взлетели вверх, он откинула на учительском стуле.

— Вроде, да... Литература стран Азии очень разнообразна. И есть знаменитые авторы Японии, которые прославились на весь мир... — Он задумчиво почесал пальцем по щеке.

Я смотрела на его губы. Нет не потому, что хотела его поцеловать, как мечтают об этом другие одноклассницы. Мне нужен был ответ, моментальный и четкий, чтобы запомнить.

— Кобо Абе, например. Или из современных писателей – Банана Ёсимото. Они писали о жизни Японии, о том, что представляет собой народ страны Восходящего Солнца... — Учитель продолжал строить свои размышления в предложения. Но тут он вздрогнул, пришел в себя после копания в своей внутренней библиотеке, и уставился на меня. — С чего ты задала такой вопрос, Диана?

Он и дальше начал расспрашивать, но я его уже не слушала. В ежедневнике дополняла список авторов, которые мне необходимы.

И вот сегодня, когда мама меня отправила в школу, вторым и третьим уроком у нас стояла литература. Прозвенел звонок. Все расселись за парты. Алексей Николаевич писал тему урока, вроде ничего не предвещало беды. Только к нам в кабинет зашла классный руководитель, она строгим голосом объявила:

— Ребята, не забывайте, что идёт сбор макулатуры! Принесёте в библиотеку ненужную бумагу, листы, книги, прошлогодние тетради тоже годятся.

Она посмотрела на каждого ученика, а потом остановила взгляд на заднем ряду, возле окна – там села я.

— С возвращением, Диана.

— Здравствуйте.

Это было приветствие через натянутые улыбки и сдержанные эмоции.

Блок рассказывал о Блоке.

Новость, которую принесла наша классная, стала для меня темой дня. Мне уже были не интересны стихи Блока и Маяковского, и чем они отличаются. Возможно, в школьной библиотеке выложены книги, от которых отказались ученики и их родители, их бабушки и дедушки. И эти произведения отдадут на

растерзания огромным машинам, которые будут их сжигать или перерабатывать, чтобы получилась новая бумага. В груди немного защемило от таких мыслей.

Мне с трудом удалось дожидаться перемены. Лишь уважение к учителю литературы заставило меня продержаться. Не хотелось его расстраивать. И когда прозвенел звонок, я самая первая выскочила из кабинета литературы. Сбила по пути учителя химии, по коридору разлетелись листочки с химическими формулами.

Библиотека находилась на втором этаже. Когда деревянные двери отворялись, то в коридоре появлялся запах старой бумаги, приятный аромат прошлого. И в очередной раз открылись двери, выпуская на волю облако невидимых приключений Жюль Верна, Конан Дойла, Шекспира.

В маленьком помещении с одним широким окном стояли ряды детских книжек. Посередине стояли столы и стулья, чтобы дети читали в библиотеке. Но сейчас на этих столах лежали груды бумаги, тетрадей. Среди них были и книги. Библиотекарь ещё не появлялась, значит сейчас она пьёт чай или кофе. Я подошла к столу, чтобы внимательно рассмотреть то, что будут отдавать на смерть.

— Войнич, Достоевский, Набоков... — Тихо шептала себе фамилии авторов. Их книги были целыми, но потрёпанными. Полистав страницы, заметила, что на некоторых были карандашные заметки. Вот например из Достоевского: «Для сочинения. Не забыть!» или «Переписать». Внутри обложки Войнича в углу было поздравление: «С днём рождения, Ирина! Дарю книгу от твоего любимого автора! 3 июня, 87 года».

— Вы живые. — Внезапно обратилась к старым книгам, — И вас никто не сожжёт.

Я отложила эти книги и принялась искать другие. Среди перевязанных коричневых бумаг и тетрадей, нашла ещё книгу без обложки и корочки. Над ней хорошо поиздевались, выдрав картонку с названием и инициалами автора. Лишь одни голые страницы, некоторые из них уже отклеились и могли разлететься.

Прозвенел звонок. Мне надо было торопиться. Схватила все книги, прижала к себе, и выбежала из библиотеки. Быстрым шагом, спускаясь вниз по лестнице, услышала сзади далекое цоканье каблучков – библиотекарь только что вернулась после ланча.

На первом этаже никого уже из школьников не было, все на уроках. Кроме меня. Нам бегать по коридорам запрещено, но в таких опасных ситуациях – опоздание на урок после звонка – это позволено и сходит с рук.

Резко распахнулась дверь в кабинет литературы, я перевела дыхание. Из меня антилопа или газель – никакая. Совсем лузер в плане физкультуры. Я – это тот человек, который сидит на скамейке и читает книгу во время занятий по физ-ре.

Алексей Николаевич молча махнул рукой, чтобы я заходила и садилась на своё место. Понимающий человек. Особенно его удивило то, что я принесла три толстых книги за 15 минут и разместила их на парте (книгу без корки он не видел, она уже была в рюкзаке). Учитель хотел было задать вопрос по поводу

тех произведений и авторов, которые «меня заинтересовали», но один из одноклассников вовремя вмешался:

— А что там с Блоком и Маяковским? Кажется, они были яркими врагами в плане поэзии?

Учитель перевёл взгляд с меня на ученика, который задал вопрос. Это был рыжеволосый Антон, гроза всей школы и большая проблема для учителей. И было удивительно, что он начал проявлять такой интерес к литературе. С чего бы?. Алексей Николаевич продолжил рассказывать с момента, на котором закончил на прошлом уроке.

После школы вместе с книгами я отправилась домой. Погода оставалась серой, иногда проглядывало солнце через тучные облака. Кеды скрипели под влажным асфальтом.

Сзади кто-то шёл, я чувствовала это. Но не стала оборачиваться.

— Хей! Розовая, ты чего несёшь?

Прозвучал до боли знакомый голос. Голос с примесью желчи и яда, издевательств и коварства. У каждого из нас есть враги. И я не исключение.

Ещё одна причина, почему я не хожу в школу. Каждое появление в школе сопровождается появлением врагов.

Мне пришлось идти дальше. Сделала вид, что не услышала. Зазвучал топот ног нескольких людей. Сзади были ещё школьники, двое из них обогнали меня и перекрыли дорогу. Я остановилась.

— Дай мне пройти, — со спокойствием обратилась к одному жирафу, — пожалуйста.

Он лишь в ответ что-то глупо крякнул, но не пропустил. Другой, похожий на крокодила, накинулся на меня и стащил рюкзак. Жираф же схватил меня за руки, чтобы я ничего не могла сделать. Крокодил передал рюкзак вожаку стаи — Антону с нашего класса. Рыжий раскрыл молнию, достал книги.

— Чего тебе надо? — Рявкнула я на него, — Оставь книги в покое! Они не твои!

Я стала вырываться, укусила Жирафа за руку. Он ойкнул от удивления, а потом поменялся в лице и ударил меня по лицу. Во рту появился металлический привкус.

— Какое тебе дело!? Это же просто куча мусора. — С издевкой произнёс Рыжий. Он держал в руках потрёпанные книги, рассматривал их. Потом он подошёл ко мне и потряс книгами перед лицом: — Зачем тебе это старьё?

Придурок. На моем лице появилась усмешка.

— Тебе весело? — С иронией спросил он. Внезапно Рыжий раскрыл книгу Войнич передо мной и начал её рвать в клочья. Страницу за страницей. Книгу за книгой. Он со злостью разрушал мой мир, всё что в нём было. Книга без переплёта разлетелась по ветру. Часть страниц и оторванная обложка от Достоевского валялась в луже, расчленённая книга Набокова отправилась под колёса мимо проезжающих машин.

Послышался дикий девчачий крик, истеричный голос царапал уши и стекло. Крокодил и Жираф не ожидали такой реакции. Они стояли в ступоре...

Потом помню всё, как в тумане. Кажется, я била их изо всех сил, всю ненависть и обиды, которые я имела на них, рассыпала на их тела. Я их била, они меня били. А потом послышались крики чужих людей. Компания отбросов умчалась со страхом в глазах, Рыжий кинул мне напоследок:

— Сумасшедшая!

Незнакомые мне люди побежали ко мне, потому что увидели кровь. Алая и горячая жидкость капала большими каплями на мокрые страницы. Глаза наполнились потоками слёз. Тряслись руки. Мне не хотелось привлекать внимания. Я быстро собрала остатки моих книг – что могла собрать, что осталось, что ещё говорило о жизни. Израненные авторы плакали вместе со мной.

Современная молодёжь не особо интересуется литературой. Им это почему-то не надо. Их увлечения – компьютеры и новые телефоны. Пока они общаются с друзьями через социальные сети, я тем временем читаю книги и говорю с героями произведений.

Сидя в старом протёртом до дыр кресле, я протираю тряпкой раненые книги. Они были мокрые и рваные, грязные и алые. Несколько крупных капель крови оказались на страницах, не знаю чья это кровь – моя или тех парней. Кажется, я Крокодилу разбила нос. У меня только опухли губы, исцарапаны в кровь костяшки пальцев. Во рту до сих пор стоял привкус металла.

Шкаф с книгами. Старые скрипучие кресла. Ещё запах краски. Набоков и Достоевский хорошо сохранились, им хватило только скотча, чтобы вновь стать прежними книгами. А Этель Лилиан требовала новой обложки в виде картона.

Когда сидишь и смотришь на полки, то сразу появляются образы авторов и их героев перед тобой. Вот хмурый Маяковский сочиняет ещё одно стихотворение, вот Шекспир читает Гамлета. А там Диккенс и мистер Пиквик говорят о клубе. Пушкин смотрит на Анну Ахматову, которая что-то рассказывает Осипу Мандельштаму. Базаров и Тургенев ведут споры про нигилизм, пока под ногами бегают Муму. Теодор Драйзер и Генрих Бёлль молча наблюдают за этой шумихой разговоров...

Тайная комната ожила. Я успела перенести все книги из дома.

Но стоит мне подняться с кресла, как тут же всё прекращается. Авторы пропадают, герои растворяются в книгах на полке.

На столе лежат мокрые листы и остатки от моего бумажного друга. Это та самая книга без обложки, которая ждала меня в библиотеке. Я села за стул. Автор врезался в память, который писал это произведение.

Булгаков с сожалением смотрел на свою рукопись.

Но «рукописи не горят», как он писал. Моей задачей было склеить и восстановить, привести в порядок вид.

Скотч, клей, бумага, нитки и иглы, ножницы, картонки, сорванные обложки с корочками. Вооружившись всеми нужными инструментами, начала хирургическое вмешательство. Приклеила страницы к страницам, пришила обложки зелёными нитками. Бабушка показала как-то раз, как нужно пришивать оторванные обложки.

«Книги тоже требуют лечения,» - говорила она.

Когда я закончила заниматься реставрацией литературы, наступил вечер.

Розовый свет заката попадал через открытые гаражные ворота. Последние солнечные лучи играли на лицах книг.

Войнич с новой самодельной обложкой, Достоевский и Набоков, Булгаков после кропотливой работы – все они стояли спокойно на полках. Им уже ничего не угрожало. Они молча ждали, когда я к ним подойду в следующий раз. Я им улыбнулась на прощанье и ушла домой.

Тайная комната вновь оказалась под замком, чтобы её никто не увидел.

Последний раз, когда я говорила с ней – это было за день до её смерти. Она просто закрыла глаза и уснула, без боли. Когда я об этом узнала, то возникло чувство, словно что-то оборвалось внутри меня. Будто счастье закончилось.

Тогда был солнечный апрель. Бабушка любила подснежники за их хрупкость.

У неё много было литературы, и что я смогла взять – то взяла. Для меня сердцем литературы является маленький томик стихотворений Юлии Друниной. По этой книге с красной обложкой бабушка читала мне свои любимые стихи, когда я была маленькой. Это и есть настоящее моё сокровище, ради которого готова сделать всё.

С момента её смерти прошло 6 лет. За эти 6 лет случился развод родителей, мама забрала меня к себе жить под предлогом «дочери должны быть с мамой». Перед этим родители громко кричали друг на друга, отец забрал документы, которые хранились у бабушки. С тех пор мать ненавидит все старые книги.

— Это что за расцветка! — Воскликнула мама, рассматривая моё лицо. Затем она повернулась к своей подруге, которая пришла к нам в гости. — Глянь-ка!

— Диана, девочки себя так не должны вести, — начала незнакомая мне женщина, похожая на разукрашенную картошку. — Вот в твоём возрасте...

Я не буду дальше продолжать, что она говорила. Всё, как и всегда. Они пытаются из меня сделать красивую куклу, которая будет краситься и одеваться в цветные мини-юбки. Обычно у таких «кукол» проблемы с мозгами – они тупые.

— Зачем тебе книги? Давай я принесу тебе модные журналы! — Предложила вдруг женщина-картошка.

— А ведь правда! Какая хорошая идея! — Подключилась мама. Она тем временем мазала зелёной мои руки.

О нет.

— Мам, я не буду читать ваши журналы. — Запротестовала я. Ощущая, что она сейчас спросит: «Почему?», продолжила, — Потому что мне это не интересно. Я не стремлюсь быть похожей на курицу.

Женщины разом на меня посмотрели, их губы приняли форму буквы О. Они смотрели на меня и молчали.

Уловив момент, я проскочила в свою комнату и закрылась. Костяшки пальцев, на которых были кровавые трещины, жутко щипали от зелёнки. Кот мяукал под ногами.

За дверьми были слышны женские голоса, мама обсуждала со своей подругой моё воспитание.

Наверно, период, когда ты себя ощущаешь настоящим – это подростковое время. Мы убегаем от взрослых и их мнений, нас пытаются подогнать под рамки, а мы же разбиваем эти рамки. Время бунтарства и безграничной фантазии.

Следующий день начался с посещения директора. Пришла моя мама и мамы Жирафа и Крокодила – женские копии своих детей. Рыжий был сам по себе. Наша директриса вместе с родителями выслушивала жалобные обвинения в мой адрес:

— Так она на нас сама напала! Мы тут не причём! — Завыл Крокодил, потирая синюшный нос.

— Мы просто шли, а она как выскочила на нас и давай бить. — Подключился Жираф.

Рыжий помалкивал.

Директор была в оцепенении, не могла представить меня ревущим в гневе Халком. Мысленно взвесив всё, она нахмурилась и скрестила руки на груди.

— Не вешайте мне лапшу на уши, — директор строго на них посмотрела, а потом перевела взгляд на меня. — Она же девочка! Вы на несколько голов выше её, да как она могла вас ударить!

Реакция матерей последовала по очереди – матери Жирафа и Крокодила начали пускать молнии в сторону своих чад, а моя мать – на всех сразу.

— Наверняка мой хомячок опять затеял драку первым! — Твёрдо заявила низкорослая брюнетка. Она называла Крокодила «мой хомячок». Как это мило (нет).

На моём лице появилась незаметная усмешка.

— Мам, но я ничего не делал, правда! — Ещё сильнее застонал Крокодил. Он чуть ли не плакал, как маленький ребёнок. — Это всё Диана!

— Никаких «но». В этом месяце мой хомячок лишается карманных денег! — Женщина покраснела от злости. Она вышла из-за стола для гостей, схватила его за ухо и потребовала обещание, что ничего подобного не будет впредь.

— Обещаю, что – шмыганье носом, - больше я никогда не буду никого бить. — проворчал Крокодил, пытаясь убрать руку матери от собственного уха.

— Будь хорошим мальчиком! После школы у нас ещё будет разговор. — Она отпустила ухо, — А теперь я на работу. До свидания!

После этого она вышла из кабинета, хлопнув дверью. Кажется, любимый хомячок сильно её разозлил.

Осталось двое.

— А теперь ты, Антон, объясни – почему ты довёл её до истерики? — Уже более спокойно обратилась к Рыжему директриса.

— Я не доводил её до истерики. — Он сделал вид, словно совсем тут не при делах. — Это была... случайность. Оплошность.

Моя усмешка на губах не пропадала. До чего он ещё готов дойти, чтобы прикрыть самого себя?

— Но посторонние люди на улице слышали женский крик. — Привела аргумент директор. — Они утверждают, что трое мальчиков из нашей школы били девочку.

Он закатил глаза и устало вздохнул.

— Может, это другая девочка кричала? Много преступников гуляют днём, знаете ли... — Пафос и отклонение от темы.

— Если так дело пойдёт, то ты тоже станешь преступником. — Возмутилась мама Жирафа. Сам же Жираф притих, стоя в сторонке. Притворился, что он декорация для кабинета.

После словесных распрей Рыжего отчитали, а Жирафа отругали. Наверно, это единственный раз, когда директор на моей стороне. Но меня ещё пока не отпускали, моя мать ещё сидела в кабинете. Директриса подняла другую совершенно тему – «Диана плохо учится». Мне пришлось их завалить обещаниями, что я исправлюсь, начну получать хорошие оценки и появляться в школе. Материнское сердце растаяло, как говорится, и все клюнули на эту «удочку».

Можно было облегчённо вздохнуть после закрытия дверей за спиной. В школьном коридоре никого не было, урок давно уже идёт. Чтобы не шататься по этажам, зашла в женскую уборную. Запах хлорки и дегтярного мыла смешивался с затхлым воздухом коридора, который проник со мной. Рюкзак кинула на пол, забралась на подоконник. Через минут 10 будет уже звонок.

На улице шёл дождь. Небо ломилось от серых, низких облаков. Люди быстро шли, скрываясь под черными зонтами. Где-то в это время кинули мокнуть забытых классиков. Но я не могу за ними прийти.

На следующий день я отправилась искать книги. Обошла «горячие точки», где обычно их оставляют умирать. Шла мимо двух советских пятиэтажек. В некоторых окнах разбиты стёкла и выдраны с ключьями деревянные рамы. Чёрные балконы искривились от прожитого пожара. Между этими домами незаметно расположилась детская площадка. Или то, что от неё осталось – ржавая карусель, скрипучие качели в остатках старой краски. Среди этих развалин стояла ещё лавочка – такая же старая, как и её соседи по несчастью. Но моё внимание приковало то, что было на деревянных досках, которые

создавали былой образ лавочки. Многочисленные стопки книг. Видимо, в этих развалинах прошлого ещё кто-то живёт...

Было много учебников по медицине и художественной литературы. В семье, наверно, жил врач и учитель литературы. Сочетание несочетаемого.

Книг было настолько много, что все сразу бы я не унесла. Пришлось потратить час, чтобы разобрать стопки и выбрать то, что мне действительно интересно. Этот человек, кому раньше принадлежало такое добро, любил произведения Гончарова и Золя. Несколько раз перечитывал Солженицына и Дюма. И не открывал только Купера, чьи тексты отпечатаны в прямых, ухоженных страницах под хрустящей обложкой Советского Союза.

Был фельдшером и стал дерматологом. Толстые медицинские энциклопедии бережно хранились, оберегая в себе научные взгляды прошлого хозяина. Справочники фельдшера, вузовские учебники по дерматологии и химии. Пенсионеры, бывшие студенты медицинских академий, нахваливали бы эти советские справочники, сравнивая с современными «ненаучными» книгами.

Я сложила некоторые книги в рюкзак, который начинал трещать по швам от тяжелого груза. Другая большая часть произведений не вошли. Решила всё забрать завтра. У меня была сильная уверенность в том, что с книгами ничего не произойдёт. Во-первых, их оставили и за ними никто не вернётся, во-вторых, эта детская площадка была в глухом районе нашего города. А прогнозы метеорологов говорили о солнечной погоде без осадков. Ничего не предвещало беды.

Найденные книги постепенно дошли вместе со мной до гаража. Скрипнула громко железная дверь, пустота полок начала заполняться.

Утром я опять отправилась за поисками. Мама подумала, что отправляюсь в школу. К её сожалению, это было не так. Я дошла до того места, где была вчера. Внутри было почему-то беспокойно. Словно что-то произошло, пока меня не было. Я подошла к лавочке с книгами, и замерла. Книги были, только из 50-ти, осталось 10. Кто-то ещё тут был, кроме меня.

Засунув те самые 10 книг в рюкзак, напряжённо задумалась. На всякий случай я обошла ещё раз те места, где чаще всего люди оставляют книги – только теперь в другом районе. Там ничего не было. Я ничего не понимаю.

Вернулась домой сильно взволнованной. Чашка ромашкового чая, черничное варенье и просмотр аниме-сериала – вот, что мне помогло расслабиться. Завтра надо будет пойти в школу, иначе учителя опять потеряют меня.

Школьный день начался с химии. Опять формулы и всякая атомная рутина. Пока шла вводная лекция на новую тему, я всё думала о тех книгах. Перебирала все названия и авторов, которые мне удалось вспомнить в той гряде литературы.

После урока школьники выбежали в коридоры. У нас должна быть ещё одна химия, поэтому выходить из кабинета не было смысла. Но я всё равно решила прогуляться.

Шум и визг детей, громкая музыка из дешёвого динамика телефона сливались с лавиной звуков. Некоторые школьники толпились возле подоконников и сидели, свесив ноги. Внезапно среди этого круговорота событий я заметила книгу. Да, тут была книга. Я бешена начала искать глазами её. И нашла.

Незнакомый мне юноша, облокотившись на стену, стоял и читал книгу в черной обложке. На корке было вдавленные буквы «Д.Ф. Купер». У меня возникло ощущение, что я где-то уже встречала черную книгу Д.Ф. Купера... Надо вспомнить.

Перехватило дыхание от удивления. Купер был среди того завала литературы. Его редко брали в руки, потому что прошлый хозяин не любил произведения Д.Ф. Купера. Я подошла ближе к этому незнакомцу с книгой в руках.

Шелест белых страниц, хруст разворота с текстом биографии автора. Это она. Мои руки тряслись схватить эту книгу, но увлечённый взгляд юноши прервал мои ненавистные порывы. Ему понравился этот автор.

А вдруг это не та книга? Может, он её взял из библиотеки? Надо будет забежать на второй этаж.

Прозвенел звонок. Возврат в реальность и к химии.

Как вы понимаете, у меня не было настроения на то, чтобы учиться. Я думала только о библиотеке и есть ли Купер в стенах нашей школы. Сорок минут долгих, затяжных страданий. Сорок минут пытки выслушивать химические построения различных кислот. И, когда я выводила котика по клеткам в тетради, те самые сорок минут подошли к концу.

Двери кабинетов выплёвывали поток кричащих подростков, для многих стало радостью долгожданная долгая перемена. Я выскочила из кабинета, прихватив рюкзак. Проскакивала через дерущихся прыщавых парней и беседы накрашенных, как клоуны, девиц. Мой бег остановился перед дверью заветной комнаты. Открыв двери, я полной грудью вдохнула мой любимый аромат старых книг.

Библиотекарь с култышкой на голове сидела на стуле перед кучей длинных ящичков с маленькими книжечками. Читательские книжечки, где пишут каждую взятую тобой книгу. Она разбирала их по фамильно.

— Вы не знаете, у вас есть произведения Купера? — Раздался мой тихий и взволнованный голос среди гулкой тишины.

Женщина подняла на меня свой взгляд, который был за оптическими стёклами очков.

— Это ведь он написал «Последний из могикан»? Тогда у нас его нет. — Она покачала головой в разные стороны, — Давно не привозили новые книги для школы.

Я с каждым моментом всё больше осознавала, что книга в руках того юноши – она из тех 50-ти. Значит, этот парень тоже охотник за литературой? Тогда у меня появляется конкуренция. Мне будет неприятно, если я буду каждый раз возвращаться ни с чем. Да и... Я не ожидала, что кроме меня, есть ещё человек, который собирает забытые книги.

Теперь мне нужно было найти того юношу, который читал Купера.

По окончанию всех уроков и перемен, я так и не смогла его отыскать. Тогда надо найти его завтра.

Это произошло действительно завтра, то есть уже сегодня. Меня классный руководитель попросила отнести тетради в кабинет географии. Стопка разных тетрадей с разноцветными обложками. Мои руки крепко прижали их, чтобы не разлетелись по коридору. Кабинет географии находился напротив библиотеки, и поэтому мне пришлось нести все двадцать толстых тетрадей по лестнице.

Стоя перед кабинетом, я кое-как постучалась и открыла дверь одним пальцем (не спрашивайте, как я это сделала). Если бы убрала руку, то все тетради разом шмякнулись бы на пол.

Стоя перед доской, учитель географии кинула на меня пустой взгляд. Я прошла в кабинет.

— Оставь их на столе. — Прозвучал безразличный голос человека, который очень любит построение планеты Земля.

Стопка тетрадей расположилась на учительском столе, где царил географический взрыв из ручек, листочков и карандашей. Я взгляд машинально кинула на сидящих в классе. Наш параллельный.

В центре всех парт расположился тот самый юноша. Наши взгляды встретились. А ведь я его действительно не знаю.

— Диана, мы из-за тебя не можем продолжить урок, — Безразличие в юбке довела меня до двери.

Во всяком случае, я его нашла. Он учится в нашем параллельном классе. Из тех лиц и рож, которые видела, встречались в толпе школьного коридора как минимум три раза. Не считая того новенького.

На большой перемене я смогла найти то самое стадо баранов, в котором жил читающий человек. Мне не было стыдно подойти к нему и заговорить.

— Привет. Ты вроде новенький? — Сказала громче обычного. Говорить в потоке шума и гама на перемене крайне трудно.

Юноша вылез из книги и поднял глаза на меня. Его одноклассницы, чьи лица были обмазаны дешёвым тональным кремом и блестками, ехидно захихикали. Они сплотились и шептались друг с другом.

До сих пор не могу поверить, что моя мать пытается сделать из меня одну из этих...

Так, сейчас не о них. Речь идёт о жизни и смерти книг.

У юноши был такой же чистый и пронзительный взгляд, как и у Льва Толстого с чёрно-белых фотокарточек.

— Как тебя зовут? — В очередной раз задала свой вопрос.

Парень заломил кончик страницы в книге и закрыл её, потом раздался его голос.

— Лев.

— Диана, рада знакомству. — Я протянула руку для рукопожатия. На фоне нашего диалога раздался тихий девчачий смех.

— Очень приятно. — Он крепко сжал мою ладонь.

После этого я отвела его в сторону поговорить лично. Девчачьи переговоры стали громче.

— Откуда у тебя эта книга? Это ты ведь забрал все книги с детской площадки? — Слова проливались быстрее и тише.

У него стали круглые глаза.

— А ты откуда знаешь? Ты видела? — Кажется, я попала в точку.

— Нет, я недавно приходила туда, чтобы забрать те самые стопки книг, — Моё зарытое возмущение начинало пробиваться. Это плохо, — а там их не оказалось. А потом я увидела какую книгу ты читаешь. Она лежала вместе с другими книгами на лавочке.

Лев молча меня выслушал.

— Дело в том, что я собираю старые книги. Они мне нужны. — Моё словесное заключение получилось спокойным. Теперь я ждала ответа от него.

— Понимаешь... — Он опустил взгляд в сторону, — Мы с парнями нашли эти книги и забрали столько, сколько мог каждый унести. Им, по сути, они не нужны, поэтому принесли ко мне домой. — Лев почесал затылок в задумчивости. — Я очень люблю читать и для меня новая литература – это праздник.

Я была в шоке. Всё-таки мои выводы меня не подводили – он действительно взял эти книги, и у него правда есть любовь к книгам.

— Из других районов вы тоже уносили книги? — Это был последний вопрос.

— Нет, — Он нахмурился, — Совсем нет. Только с детской площадки.

После нашего разговора мы начали общаться каждый день в школе. Мама сильно удивилась словам директора, который ей позвонил – «Она уже не пропускает ни одного урока, вы представляете!». А я тем временем на выходных искала с Лионом потерянные книги, показывала ему места, где чаще всего приносят литературу. Если найденного «добра» было крайне много, то нам помогали друзья Лиона. Кроме того, я ему показала Тайную комнату...

— Садись и смотри, — только это сказала я ему, — и ты поймёшь суть Тайной комнаты.

Он уселся в дырявое кресло, я приземлилась на край кособокого дивана. В холодном и душном гараже нависла тишина. Книги начали оживать одна за другой...

Алексей Толстой читал свои последние страницы из романа «Петр I». Через открытые двери Островский смотрел вдаль на надвигающуюся грозу. Печорин и Лермонтов обсуждали полемику былых времён. Доктор Живаго и Преображенский вели медицинские споры. Высоцкий, сидя на стуле, брэнчал на гитаре мотивы своих стихотворений.

Великие авторы и их герои оживали в потоке тишины. Лев сидел с приоткрытым ртом от удивления. Он тоже их видит.

Среди русских прозаиков и поэтов были японские классики Кобо Абэ, Юкио Мисима. Дзюньитиро Танидзаки в кимоно вёл беседы с Юкико, главной героиней его собственного романа «Мелкий снег». Японская дама с длинными черными волосами, Мурасаки Сикибу вместе с Этель Лилиан Войнич, девушкой в европейском платье, разглядывали полки, брали в руки книги и листали их.

Я как-то сказала Лиону, что очень хочу прочитать классиков Японии. Он пропал на несколько дней, а потом принёс мне несколько томов японской литературы. Где он их нашёл – остаётся загадкой.

И сейчас мы сидим и наблюдаем, как оживают герои и их авторы, чьи книги мы спасли.

Забытые произведения открывали перед нами свои воспоминания, словно рассказывая истории близким друзьям. Каждая пожелтевшая страница впитывала в себя наши руки. Тайная комната скрывала свои секреты. Лишь реальный мир не мог проникнуть за железные двери прошлого.

Они помнят о нас.